

Глава 1

В России 1996 год встречали с необычным чувством. Война в Чечне, рост протестных настроений и избрание «левых» в Думу придавали интригу предстоящим выборам президента страны. Все понимали: что-то произойдет. И хотя никто не мог предсказать ничего определенного, в воздухе витало ожидание чего-то великого.

А вот Ника Кузнецова не ждала никаких перемен. Не ждала и не хотела. Потому что, потеряв мужа, она разучилась ждать, а оставшись одна, успела к своему одиночеству привыкнуть. Временами, правда, ее навещала хандра, которую могла побороть лишь смена обстановки. И поэтому, едва заметив своих верных спутниц — апатию и беспричинную грусть, она убегала от них, ища спасения в чужих городах и весях. Благо отец заботился о том, чтобы она жила в достатке, а на кафедре всегда можно было найти коллегу, готового ее подменить. Ну а если к тому же подворачивалась научная конференция, то, к вящему удовольствию Ники, смена обстановки проходила с толикой пользы.

Поэтому, когда за спиною утомительной череды новогодних праздников замаячила подкрадывающаяся меланхолия, она без колебаний купила билет и, воспользовавшись традиционным приглашением япон-

ских коллег, умчалась от нее на край света, в Токио, на ежегодный научный конгресс.

Приезжая сюда, она всякий раз останавливалась в одном и том же отеле. И не беда, что отсюда было неудобно добираться до университета, зато рядом с ним был православный храм, и, если ей случалось задерживаться на выходные, то на воскресную службу она приходила сюда. Конечно, вблизи университета традиционно размещалось много отелей и в выходные в Токио с транспортом нет никаких проблем, но Ника желала соблюсти привычный распорядок воскресного дня. Не торопясь прийти в храм, спокойно отстоять службу, подпевая маленькому хору, и, самое главное, не растерять то благостное состояние души, которое охватывало ее после богослужения. А этому могли помешать суета сабвэя и шум токийской толпы.

Честно говоря, Ника не считала себя истовой христианкой. Да, она посещала храм, но не ходила на исповедь и не причащалась. Она любила церковное пение, сама пыталась подпевать, но так и не выучила ни одного тропаря. Слушая чтение Евангелия, она вся изнутри трепетала, пребывая в состоянии «благоговейного непонимания», как выразился как-то один знакомый дьякон. Но если не удавалось достичь нужного настроения, ее понемногу начинала охватывать скука.

Вот и сейчас, слушая монотонный речитатив священника, она из-под опущенного платка украдкой оглядывала соседей. Прихожан в этой церкви было немало, и поэтому знакомое лицо она заметила сразу. То был высокий, чуть седоватый мужчина, на первый взгляд лет сорока с небольшим, в темном элегантном пальто. Аккуратная бородка обрамляла его доброе лицо. Голубые глаза глянули на Нику приветливо.

Мужчина слегка ей поклонился и вновь обратил свой взор к алтарю.

Едва она задумалась о том, где же могла его видеть, как сразу вспомнила: на конгрессе. Тотчас в ее памяти всплыла его уместная реплика по поводу регламента, а вместе с ней и имя: Ник Вертер, Ник. Он представлял университет Афин. Ей еще тогда бросилась в глаза очевидная несурязица между англосаксонским именем и еврейской фамилией, отменным, почти без акцента, японском языком и откровенно славянской внешностью этого грека. Впрочем, и то и другое в равной степени не укладывались в Никины представления о том, как должен зваться и выглядеть греческий социолог, но тем не менее этот человек ей запомнился, и это было более чем странно, поскольку хорошей зрительной памятью она похвастаться не могла. К примеру, ей никак не удавалось запомнить лица студентов, если занятия проходили не чаще раза в неделю, и некоторые из ее подопечных этим нахально пользовались, сдавая друг за дружку коллоквиумы, экзамены и зачеты.

После окончания службы она задержалась у иконы Николая Чудотворца и попыталась настроиться на молитвенный лад, но не получилось — мысли почему-то путались и рвались. Вздохнув и перекрестившись, Ника с поклоном вышла из храма и вновь увидела того же мужчину. Он стоял во дворе под аркой ворот, и падавший снег успел тонкой лентой осесть на полях его шляпы. Ника сразу обратила внимание, что она ему очень к лицу, и тут же пожалела, что вместо плаща сегодня надела куртку. Почему-то она подумала, что в куртке будет нелепо смотреться рядом с этим импозантным мужчиной. «Да с чего я взяла, что мы окажемся рядом?» — рассердилась она, поймав себя

на этой мысли, и тут же услышала, как он ее окликнул, причем по-русски:

— Вероника Николаевна? Позвольте вас проводить?

Она повернулась к нему, завязывая тесемки капюшона, и попыталась изобразить удивление:

— Добрый день, господин Вертер. У вас отменное произношение для грека.

— Да какой из меня грек? — улыбнулся Вертер, — в Греции я последние десять лет. Да и то урывками, от конференции к семинару. Дома я в основном пишу и редко где бываю, поэтому есть города, в которых я ориентируюсь не хуже, чем Афинах. К примеру, вот Токио — здесь я могу ходить с закрытыми глазами, и если вас что-то интересует, то можете всецело мной располагать.

— А я вот нет, — пожав плечами, с сожалением ответила Ника. — В который раз бываю в Токио и каждый раз пытаюсь найти букинистические лавки. Но не нашла ни здесь, ни в центре.

— За этим дело не станет, — улыбнулся Ник и деловито осведомился: — Вы книголюб или коллекционер? А может, вас интересует литература по специальности? Русская, японская, иностранная?

— Разве женщина может предугадать, с чем выйдет из магазина?

— Даже если он книжный? — удивился Ник.

— А какая нам разница? — пожав плечами, ответила Ника.

— В таком случае, сочту за честь быть вашим гидом в экскурсии по книжным лавкам Токио, — сказал Ник, галантно предложив ей «ручку крендельком». И, тут же меняя тему, словно ее согласие — вопрос уже решенный, спросил:

— А вы слышали про цундоку? — и сам же сразу ответил: — Это сугубо японское понятие, которое означает «покупать книги и не читать их».

— Обычно я предпочитаю побыть одна после службы... — начала было Ника, но, тряхнув головой, словно отменяя сомнения, закончила, — но книги того стоят, идемте!

— Тогда нам сюда, — сказал Ник, указывая вправо, — поедем наземкой. В любом случае до станции Сенгоку отсюда ближе, чем до электрички. Пять минут прогулочным шагом.

«Я знаю», — хотела ответить Ника, но промолчала. Честно говоря, она себя не узнавала. С тех пор как осталась одна, она научилась мгновенно строить стену между собой и любым мужчиной, стремящимся сократить выдерживаемую ею дистанцию. Но в данном случае так почему-то не произошло. Она попыталась объяснить происходящее тем, что в том не было и особой нужды — ведь через несколько часов она улетит домой в Петербург и никогда больше не увидит этого русского грека. Так почему же не воспользоваться моментом и не исполнить давнишние планы? Когда еще она найдет того, кто знает город?

И действительно, для Ника не составляло особого труда ориентироваться в Токио.

Едва они вышли со станции Нихонбаси, как прямо перед собой Ника увидела книжный супермаркет «Марудзэн», о котором столько слышала и куда давно хотела попасть. А ведь она часто здесь проезжала!

Ник был на редкость предупредителен. На первом этаже «Марудзэна» продавались канцелярские товары, и по идее задерживаться там им не было нужды, но Ника остановилась, как зачарованная. Ее всегда удивляло, что в век сплошной компьютеризации люди

не только не отказались от карандаша и ручки, но и, наоборот, производят их во все большем количестве и в самых невиданных формах. Но здесь ее задержали не они — хотя и трудно было пройти мимо керамических чернильниц и подлинных гусиных перьев. Нет, Ника надолго застряла там, где продавались краски, бумага и кисти. Их выбор не поддавался описанию...

— Рисуете? — спросил Ник.

— Пытаюсь, — призналась она, вертя в руках набор колонковых кистей. — Сестра у меня — настоящая художница. Она и график, и скульптор.

— Завидую, — вздохнул Ник и, перехватив ее вопрошительный взгляд, поспешил пояснить: — Я в смысле того, что у меня нет ни сестры, ни брата, а только целая армия кузенов, кузин. Да и то благодаря приемным родителям...

Поскольку на первых двух этажах продавались японские книги, а на третьем располагалось нечто вроде клуба джентльменов, они сразу поднялись на четвертый этаж.

— Вот здесь, — сказал Ник, подводя ее к стеллажам, стоящим в центре зала, — я пропадаю часами. Видите ту полку? Там собраны прижизненные издания. Рекомендую взглянуть. Хотите побродить в одиночестве?

— Вы угадали, — сказала Ника, а сама подумала: «Вот хитрец! Как ловко от меня отделался, чтобы самому уединиться».

Однако увидев томик Игоря Северянина, а рядом — гумилевский «Путь конквистадоров», она и сама забыла обо всем. И было с чего: здесь на полке, выстроившись в ряд, стояли книги, изданные в начале прошлого века. Пробежав пальцами по их корешкам, словно по клавишам фортепиано, Ника наткнулась

на поэму Андрея Белого «Первое свидание». Сама не зная почему, она раскрыла книгу и поймала себя на мысли, что сделала это исключительно под впечатлением от их знакомства с Ником. И в ту же секунду за ее спиной раздали шаги. Оглянувшись, она увидела Ника. Он направлялся к ней, листая на ходу небольшую брошюру. Побоявшись, что, увидев книгу, Ник все поймет, Ника спрятала руки за спину. Но тот был настолько поглощен своей находкой, что ничего не заметил и, подойдя к ней, сказал:

— Взгляните-ка, что я нашел. Это «Основы России» англичанина Беринга. Он написал эту книгу в 1914 году — после того как несколько лет прожил в России. Тут есть любопытнейший пассаж, позвольте, я вам зачитаю. Вот здесь... Итак, он пишет: «...не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства». А вот еще... — сказал он, перелистав несколько страниц, — «...у случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: да чего же большего еще может желать русский народ?!» И еще он пишет, что этим самым недовольством Россию заражали интеллигентские круги, — с грустью хлопнул книгу Ник и, только теперь заметив что-то в руках у Ники, спросил:

— А вы что откопали?

— Да так, — смутившись, ответила Ника. — Андрей Белый...

— А-а-а, «Первое свидание», — заглянув ей за спину и увидев обложку, протянул Ник, и внимательно посмотрел Нике в глаза, да так, словно пытался заглянуть ей в душу.

— Эта книжка стоит здесь не первый год — продолжил он, — и просят за нее не так уж много...

— И почему же вы ее не купили? — пряча глаза, спросила Ника.

— А я не поклонник Бориса Бугаева, — ответил Ник, — его поэзия меня не трогает, а словесные эксперименты кажутся безрезультатными. И хотя я собираю подобные книги, эту я никогда не куплю. Потому что тогда она не достанется тому, кто ее ищет. Ведь кто-то любит его стихи, верно? Вот вы любите?

— Вообще-то я предпочитаю прозу, — ответила Ника.

— Прозу Андрея Белого? — удивился Ник.

— Да нет же. К примеру, Булгакова. Но вы увильваете от ответа! — взглянув на него, сказала Ника.

— Отнюдь, — улыбнулся ей Ник, — просто рано или поздно поклонник его таланта встретится с этой книгой. И я не хочу этой встрече помешать. Даже за счет полноты моей коллекции. Вас устраивает такое объяснение?

— Пожалуй, оно чересчур многословное, — подумав, сказала Ника. — Хотя и вполне откровенное. Но почему вы так уверены, что ее обязательно кто-то купит?

— Иначе бы она здесь не стояла, — кивнув на полку, сказал Ник.

— Верите в предопределенность? — вопросительно взглянула на него Ника.

— Да, — сказал он, глядя на нее чуть серьезнее, чем бы ей хотелось. Ника немного смутилась, но не отвела взгляда.

— Кажется, теория вероятности против вас, — слегка усмехнувшись, сказала она, — в Токио не так много поклонников русской поэзии. Во всяком случае

меньше, чем один на миллион. И книжке этой придется ждать до окончания веков.

— И тем не менее я все же верю в предопределенность, — ответил он. — Не могла же теория вероятности предсказать, что сегодня в Токио встретятся два поклонника русской словесности.

— Что ж, — сказала она, — раз так, пускай ждет, — и, положив книжку на полку, продолжила: — но хочу вам заметить, что по теории вероятности наша встреча вполне закономерна. Русских на свете много, они мобильны, и их встречи в самых отдаленных уголках мира перестали кого-либо удивлять. Посему не надо подменять банальную статистику метафизической предопределенностью.

Ник поднял вверх руки:

— Сдаюсь. Вы победили. И как побежденный предлагаю вам трофей. В виде обеда. Вы какую кухню предпочитаете?

— Свою, домашнюю — растерянно ответила Ника, слегка оторопев от такого внезапного перехода.

«Только что все было так невинно и мило, говорили о книжках, наметился даже философский спор — и вдруг нате вам: “давайте поужинаем”», — подумала она и вновь поймала на себе его взгляд.

— Не пытайтесь искать в моем приглашении какого-либо подтекста, — словно угадав ее мысли, сказал Ник. — Нас ожидает не романтический ужин, а банальный ланч. Ведь время обеденное, я хочу подкрепиться, приглашаю и вас. Заранее говорю, что никаких изысков не намечается. В такие храмы гурманов, как «Канда» и «Мицутани», мы не пойдем. Сказать по правде, восточные рецепты не услаждают мой русский желудок. Вы можете есть что угодно, что же касается меня, то я буду есть просто мясо. Жареное мясо. Причем —

с хлебом. Сейчас никто не ест хлеб. А я ем. Хлеб, пироги, любую выпечку.

Слушая его, Ника поймала себя на мысли, что их обед — дело уже решенное. И еще она поняла, почему так легко и неожиданно для себя после воскресной службы пустилась «во все тяжкие». Находясь рядом с ним, она погружалась в неизведанную доселе нирвану. Он обладал каким-то волшебным магнетизмом, каким природа наделяет избранных и которому она была не в силах противостоять. Он словно источал какой-то невидимый свет, мерцающий в его бездонных глазах и искрящийся в его доброй улыбке. С ним было хорошо. С ним было удивительно легко и просто.

— Вы коварный искуситель, — рассмеялась она. — Я так надеялась сбросить здесь лишний вес. Тоскуя по корочке черного хлеба, питаюсь одним только рисом.

— Есть тут один пекарь, — заговорщицки оглянувшись по сторонам, перешел на шепот Ник, — он получает ржаную муку из Сибири и астраханскую соль. Так вот он печет такой хлеб, который не отведают даже в Москве.

— Вообще-то я из Петербурга, — чуть заносчиво заметила Ника.

— И в Петербурге тоже, — сказал Ник и, подхватив Нику под локоток, увлек ее за собой.

— Кстати, — сказал он деловито, — здесь неподалеку — магазин «Иссэйд», там можно купить японские гравюры. Не древние, конечно. Девятнадцатый век. Но приемлемые по цене. Если хотите, заглянем туда завтра после «раздачи слонов» на конгрессе.

— Не обещаю, — уклончиво ответила Ника, решив не говорить, что скоро уезжает.

— Только не принимайте меня за книжного червя, — продолжал занимать ее разговорами Ник, —

я знаю и другие места. Хотите, заглянем в старейшую пивную? Ее основали немцы. За пиво не ручаюсь, но компанию вы там застанете отменную.

Переводчики, философы, критики...

Эскалаторы, бесчисленные ленты бегущих дорожек, подземные переходы, напольные иллюминаторы, в которых видны запруженные развязки автомобильных дорог, — таков он, Токио, — огромный город, где можно бродить часами, так и не увидев клочка неба над головой. Ника была несказанно рада тому, что у нее оказался такой проводник.

Обычно ей приходилось подолгу стоять у информационных стендов, прокладывая в голове маршрут в какое-то новое место. А теперь всего-то и дел, что поспевать за саженными шагами Ника...

Они сошли с электрички где-то на берегу — Ника ощутила запах водорослей и рыбы.

— Здесь рыбный рынок? — спросила она, оглядываясь.

— Нет. Запах — из порта. Ведь мы уже в Йокогаме. Прошу вас сюда, — ответил Ник, подавая ей руку.

Они спустились с платформы, свернули в тесную улочку, и через пару минут перед Никой открылась набережная. Из-за тесно стоящих кораблей моря практически не было видно. Чайки кружили над стрелами кранов и мачтами кораблей. Ника полезла было в сумочку за камерой, но Ник потянул ее в сторону:

— Нам сюда. Полюбуйтесь на морские виды с другой точки.

Вот где пригодился ее капюшон! Едва они завернули за угол, как их обдал снежным зарядом такой сильный порыв ветра, что им пришлось повернуться к нему спиной, а Нику еще и придерживать рукой шляпу.

Рядом, вскидывая пену о бетонные плиты, билась серая волна. Впереди виднелось стоящее прямо на берегу судно: ярко-красное днище, блестящий бронзовый винт и пологая в три пролета лестница, ведущая вдоль белоснежного борта к верхней палубе.

Они поднялись наверх, где их с поклонами встретил улыбчивый старый японец. Непрерывно говоря что-то приветливое и радостное, он открыл перед ними двери, и Ник первым стал спускаться по трапу, усталенному ковровой дорожкой. Оказывается, в чреве судна разместились уютное кафе. Через большие иллюминаторы Ника видела кусочек моря, где на волнах качались крупные чайки. Ник произнес пару слов по-японски, на что встретивший их старик вновь разразился длинной речью.

— Здесь не принято предлагать меню, — сказал Ник. — Как вы поняли, сегодня мы будем есть жареную свинину с тушеной капустой. Хотя я могу и ошибаться...

— Вы не ошиблись, он сказал именно так. Впрочем, мне все равно, — улыбнулась Ника. — Хоть с капустой, хоть без капусты. Здесь чудесно.

Только сейчас она обратила внимание, как широко Ник ставит ноги, стоя на палубе, и спросила:

— Вы моряк?

Он удивленно поднял брови:

— Почему вы спросили?

Вместо ответа Ника обвела взглядом помещение, украшенное сухими морскими звездами, кораллами и огромными ракушками. На дверях красовались старинные штурвалы, а в иллюминаторы заглядывали пролетающие чайки.

— А, понимаю, — начал было Ник, но вдруг замер, будто увидел за спиной у Ники Годзиллу. Ника мгновенно напряглась, не смея даже шелохнуться.